

1
1968

Искатель

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ :

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ ДОБЛЕСТНЫХ
СОВЕТСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ
ПОСВЯЩАЕТСЯ:

Юрий ТАРСКИЙ — ВДВ — быстрота и натиск	2
Борис СМАГИН — Перед ночным ударом	10
Е. ДОРОШ — Фрунзе освобождает Крым	153

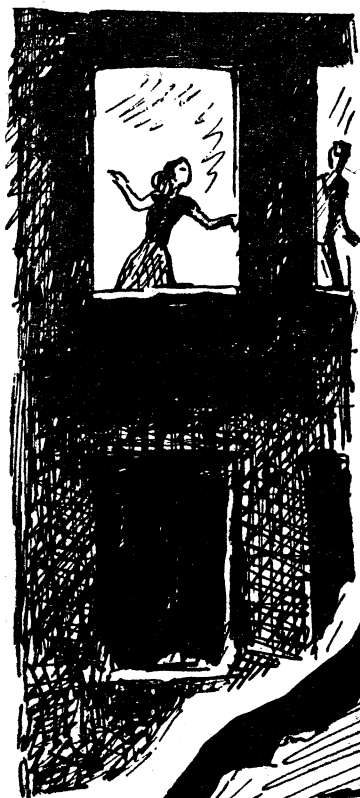

В. МЕНЬШИКОВ, В. ГАЕВСКИЙ — Ставка — жизнь	30
Станислав ЛЕМ — Проказы короля Балериона	108
Уильям АЙРИШ — Окно во двор	122

№ **1** (43)

1968

ВОСЬМОЙ
ГОД
ИЗДАНИЯ

Уильям
Айриш

ОКНО

во двор

Рассказ

Я не знал их имен. Я никогда не слышал их голосов. Строго говоря, я даже не знал, как они выглядят, потому что на таком расстоянии лица были слишком малы, чтобы можно было различить их черты. Но зато я мог бы составить расписание их приходов и уходов, повседневных привычек и поступков. Они были обитателями окон, выходивших во двор моего дома.

Я признаю, конечно, что это несколько напоминало подглядывание и даже могло быть ошибочно принято за нездоровый интерес любителя подсматривать в замочную скважину. Но в этом не было моей вины, это случилось само собой. Случилось так, что как раз в то время я фактически был лишен возможности передвигаться. Я только с трудом перебирался от окна к кровати и от кровати к окну. А окно эркера, выходившее во двор, было, пожалуй, самым большим удобством моей спальни в жаркую погоду. Оно не было затянуто сеткой, и, чтобы избежать нашествия всех окрестных насекомых, я вынужден был сидеть с выключенным светом. Меня мучила бессонница. Разгонять же скуку чтением я так никогда и не научился. Что же я должен был делать — сидеть с зажмуренными глазами?

Возьмем наугад некоторых из них. Прямо напротив, где окна выглядели для меня еще квадратными, жила парочка только что поженившихся молодых непосед, почти подростков. Они бы просто погибли, проводи они один-единственный вечер дома. Куда бы они ни уходили, делали они это в такой спешке, что всегда забывали выключить свет. Не думаю, что за все то время, что я наблюдал за ними, они хоть раз изменили этой привычке. И вместе с тем они никогда не забывали об этом полностью. Минут через пять он врывается в квартиру, наверное прибежав уже с другого конца улицы, и вихрем проносился по комнатам, щелкая выключателями. На обратном пути он обязательно в темноте обо что-нибудь спотыкался. Я внутренне посмеивался над этой парочкой.

Соседний дом. Окна уже немного сужены перспективой. Там тоже было одно окно, в котором каждый вечер гас свет. Это всегда вызывало у меня легкую грусть. Там жила женщина с ребенком, вероятно молодая вдова. Я видел, как она укладывала девочку в кровать, наклонялась и с какой-то особенной тоской целовала ее. Она загораживала от ребенка свет и тут же садилась подкрашивать себе глаза и губы. Потом она уходила. Возвращалась она всегда на исходе ночи.

В третьем доме уже ничего нельзя было рассмотреть, его окна казались узкими, словно щели между зубцами средневековой башни. В доме, притаившемся в конце двора, опять открывалось широкое поле для наблюдений, поскольку он стоял под прямым углом к остальным, в том числе и к моему собственному, замыкая ущелье, образованное задними стенами всех этих домов. Из своего выступавшего полукругом эркера я мог заглядывать туда так же свободно, как в кукольный домик, у которого снята боковая стенка. И все было уменьшено почти до тех же размеров.

Это был многоквартирный доходный дом. Он был двумя этажами выше своих соседей, и, как бы подчеркивая эту разницу, по его задней стене поднималась пожарная лестница. Но дом этот был стар и, видимо, уже не приносил много прибыли. В то

время его модернизировали. Чтобы как можно меньше потерять на арендной плате, хозяева на время работ не выселили жильцов из всего здания, а ремонтировали квартиры по одной. Из шести квартир, выходявших во двор, верхняя была уже готова, но пока пустовала. Сейчас работали в той, что была на пятом этаже, нарушая стуком молотков и визгом пил покой обитателей этого «чрева» квартала.

Мне было жаль пару, которая жила этажом ниже. Я не переставал удивляться, как они терпели над своей головой такой бедлам. Вдобавок ко всему жена еще страдала каким-то хроническим недугом: даже на таком расстоянии я мог определить это по той апатии, с которой она передвигалась по квартире, по тому, что она никогда не переодевалась, все время оставаясь в халате. Иногда я видел, как она сидит у окна, подперев голову рукой. Я часто думал, почему он не пригласит доктора; впрочем, быть может, это было им не по средствам. Похоже, что он нигде не работал. Нередко в их спальне за опущенной шторой до поздней ночи горел свет, и мне тогда казалось, что ей особенно плохо и он бодрствует вместе с ней. А однажды он, видно, не сомкнул глаз всю ночь напролет — огонь там горел почти до самого рассвета. Не подумайте, что я всю ночь наблюдал за их окном. Просто в три часа, когда я, наконец, перетащился с кровати на кровать, чтобы попробовать хоть немного вздремнуть, там все еще горел свет. А когда, убедившись в тишине моей попытки, я на рассвете прискакал на одной ноге обратно к окну, свет в этой квартире еще слабо пробивался сквозь рыжеватую штору.

Немного спустя с первыми лучами занимавшегося дня кайма света вокруг шторы вдруг померкла, а в другой комнате штора поднялась, и я увидел, что он стоит у окна и смотрит во двор.

В руке он держал сигарету. Разглядеть ее я, конечно, не мог — я понял это по порывистым, нервным движениям его руки, которую он то и дело подносил ко рту, и по поднимавшемуся над его головой облачку дыма. «Наверное, беспокоится за нее», — подумал я. Что ж, в этом не было ничего удивительного. Любой муж испытывал бы то же самое. Должно быть, она уснула только теперь, после долгой ночи, полной страданий. И не пройдет и часа, как над ними, вгрызаясь в дерево, вновь завизжит пила и загремят ведра. «Это, конечно, не мое дело, — подумал я, — но ему все-таки следовало бы увезти ее оттуда. Если бы у меня на руках была больная жена...»

Он слегка подался вперед, чуточку высунувшись из оконной рамы, и принялся внимательно осматривать задние стены домов, окружавших прямоугольное ущелье двора. Когда человек во что-нибудь пристально вглядывается, вы можете определить это даже на значительном расстоянии — он как-то по-особенному держит голову. И все же этот его пристальный взгляд не был прикован к определенному месту, он медленно скользил вдоль домов, стоявших напротив моего. Когда все они были осмотрены, я понял, что его взгляд теперь перейдет на мою сторону и, проделав тот же путь, вернется к исходной точке. Не дожидаясь этого, я немного отодвинулся в глубину комнаты, чтобы дать его взгляду благополучно миновать мое окно. Мне не хотелось, чтобы он за-

подозрил меня в подглядывании. В моей комнате сохранилось еще достаточно ночной синевы, чтобы скрыть от него это маленькое бегство.

Когда через одну-две минуты я занял свою прежнюю позицию, его уже не было. Он поднял еще две шторы. Та, что закрывала

окно спальни, по-прежнему была спущена. Меня невольно заинтересовал тот непонятный всеохватывающий взгляд, которым он обвел полукруглые окон. В этом взгляде в общем-то не было ничего особенного. Всего-навсего маленькая странность, которая не гармонировала с его озабоченностью или тревогой о жене. Когда

вы чем-то озабочены или встревожены — это озабоченность внутренняя, и ваш взгляд рассеянно устремлен в пространство. Когда же он описывает дугу, захватывая окружающие вас окна, это говорит об озабоченности иного рода, об интересе, направленном на нечто вне вас. Одно не совсем согласуется с другим. Но это противоречие было настолько пустяковым, что едва ли стоило придавать ему значение. На это мог обратить внимание только такой, как я, изнывающий в пустоте полного безделья.

Судя по окнам, после этого там все как бы вымерло. Должно быть, он ушел или лег спать сам. Три шторы были подняты до нормальной высоты, а та, что скрывала спальню, оставалась опущенной. Вскоре Сэм, мой приходящий слуга, принес мне завт-

рак и утреннюю газету, и это помогло мне убить какое-то время. И я до поры до времени выбросил из головы чужие окна.

Все утро косые лучи солнца падали на одну сторону дворового ущелья, после полудня они переместились на другую. Потом начали постепенно ускользать, покидая двор, и снова наступил вечер — ушел еще один день.

По краям прямоугольника стали зажигаться огни. Порой то там, то здесь стена, как резонатор, отражала обрывки слишком громкой радиопередачи. Если прислушаться повнимательней, можно было уловить среди прочих звуков доносившееся издали слабое позвякивание посуды. Разматывалась цепь маленьких при-

вычек, из которых складывалась жизнь обитателей дома. Эти привычки связывали их крепче, чем самая хитроумная смиренная рубашка, когда-либо изобретенная тюремщиком, хотя они считали себя свободными. Как и во все вечера, парочка непосед стремительно вырвалась на простор, забыв потушить свет; он примчался обратно, пощелкал выключателями, и их квартира погружилась в темноту. Женщина уложила спать ребенка, грустно склонилась над кроватью и в глубоком отчаянии села красить губы.

Весь день в квартире четвертого этажа того дома, что стоял поперек этой длинной внутренней «улицы», три шторы оставались поднятыми, а четвертая — спущенной. До сих пор это как-то не доходило до моего сознания — я почти не глядел в ту сторону и не думал об этом. Правда, иногда в течение дня мои глаза останавливались на тех окнах, но мысли мои были заняты другим. Только когда в крайней комнате, их кухне, на окне которой штора была поднята, вспыхнул свет, я вдруг понял, что весь день шторы оставались в прежнем положении. Это навело меня на другую мысль — впервые я подумал о том, что за весь день ни разу не видел той женщины. До этой самой минуты я вообще не видел в их окнах никакого признака жизни.

Он пришел с улицы. Входная дверь находилась в другом конце кухни, напротив окна. На нем была шляпа, из чего я и заключил, что он только что пришел.

Он не снял шляпы. Как будто снимать ее уже было не для кого. Вместо этого, прикоснувшись рукой ко лбу, он сдвинул ее на затылок. Я знал, что это не тот жест, которым стирают пот. Человек стирает пот горизонтальным движением — а он провел рукой по лбу снизу вверх. Это указывало на какую-то тревогу или замешательство. Кроме того, если бы ему было слишком жарко, он бы первым делом снял шляпу.

Она не вышла встретить его. Порвалось первое звено столь прочно сковывавшей их цепи привычек и обычаев.

Должно быть, ей так плохо, что она весь день пролежала в постели, в комнате за опущенной шторой. Я продолжал наблюдать за ним. Он все еще был там, от нее через две комнаты. Мое ожидание постепенно превратилось в удивление, удивление — в недоумение. «Странно, — подумал я, — что он не заходит к ней. Мог же он хотя бы подойти к порогу ее комнаты, чтобы узнать, как она себя чувствует».

Быть может, она спит, и он не хочет беспокоить ее — и тут же другая мысль: откуда он мог знать, что она спит, если он даже не заглянул к ней? Ведь он только что вошел в квартиру.

Он подошел к окну и стал там, как на рассвете. Незадолго до этого Сэм унес поднос, и у меня был потушен свет. Зная, что он не сможет разглядеть меня в темноте эркера, я не тронулся с места. Несколько минут он стоял неподвижно. И сейчас его поза соответствовала внутренней озабоченности. Он глядел куда-то вниз, погружившись в раздумье.

«Он беспокоится за нее, — подумал я, — как на его месте беспокоился бы любой муж. Что может быть естественней?

Но все-таки странно, что он не подошел к ней, оставив ее одну в комнате. Если он встревожен, почему же, вернувшись домой, он даже не заглянул к ней? Еще одно незначительное противоречие между его внутренним состоянием и внешним поведением».

Стоило мне об этом подумать, как тут же повторилось то первое несоответствие, которое бросилось мне в глаза на рассвете. Как и тогда, он настороженно поднял голову и, словно пытаясь что-то выяснить, опять стал медленно описывать ею полукруг, скользя взглядом по панораме задних окон. Я сидел не шелохнувшись, пока его идущий издачака взгляд не миновал мое окно. Движение привлекает внимание.

«Почему его так интересуют чужие окна?» — мелькнула у меня мысль. И конечно, почти мгновенно сработал тормоз, который не дал мне развить ее дальше: «А сам-то ты чем занимаешься?»

Я упустил из виду, что между нами была существенная разница. Я не был ничем озабочен. А он, по-видимому, был.

Снова опустились шторы. За их рыжеватыми экранами горел свет. Только за той, что все время оставалась спущенной, комната была погружена во мрак.

Время уходило. Трудно сказать, сколько его прошло — четверть часа, двадцать минут. В одном из задних двориков, на которые был разбит огромный участок земли между всеми этими домами, запел сверчок. Перед уходом домой Сэм заглянул узнать, не нужно ли мне чего. Я сказал, что мне ничего не нужно, все в порядке. С минуту он постоял, опустив голову. Потом он слегка покачал ею, как бы выражая недовольство.

— В чем дело? — спросил я.

— Знаете, к чему это? Мне об этом говорила еще моя старая мама, а уж она-то за всю жизнь меня ни разу не обманула. И я не припомню случая, чтобы это не исполнилось.

— Ты о чем, о сверчке?

— Если уж эта тварь запела, значит, где-то рядом смерть. Я отмахнулся от него.

— Но ведь это же не у нас, так что пусть это тебя не волнует. Он вышел, упрямо ворча:

— Но где-то совсем рядом. Где-то тут. Иначе и быть не может.

Дверь за ним закрылась, и я остался в темноте один.

Стояла душная ночь, намного тяжелее предыдущей. Даже у открытого окна каждый глоток воздуха доставался мне с трудом. Я не представлял, как он — тот неизвестный — мог вытерпеть эту жару за спущенными шторами.

И вдруг в тот самый миг, когда праздные мысли о происходящем вот-вот готовы были осесть в какой-то определенной точке моего сознания, выкристаллизоваться в некое подобие подозрения, там опять поднялись шторы, и эти мысли, так и не оформившись, не сумев ни на чем остановиться, рассеялись вновь.

Он находился за средними окнами, в гостиной. Без пиджака и верхней рубашки, с голыми руками. Видно, он тоже невыносимо страдал от жары.

Вначале я никак не мог догадаться, что он делает. То, чем он занимался, заставляло его двигаться не из стороны в сторону, а по вертикали — сверху вниз. Он стоял на месте, но часто наклонялся, через неравные промежутки времени исчезая из виду; затем он выпрямлялся, снова появляясь в поле моего зрения. Это напоминало какое-то гимнастическое упражнение, только для такого упражнения его движения не хватало ритмичности. Иногда он подолгу оставался в согнутом положении, иногда тут же выскакивал обратно; было и так, что он быстро наклонялся несколько раз подряд. От окна его отделял какой-то черный предмет в форме буквы V. Над подоконником виднелись только его края. Этот предмет на какую-то долю дюйма закрывал подол его нижней рубашки. Но прежде я его там не видел и пока не мог сказать, что это такое.

Внезапно впервые с тех пор, как были подняты шторы, он покинул это место и, обойдя вокруг V, прошел в другую часть комнаты, наклонился и почти сразу же выпрямился, держа в руках нечто напоминавшее издали кипу разноцветных флагов. Он вернулся к V-образному предмету и бросил свою ношу на его край. Потом он опять нырнул, пропав из виду, и довольно долго не показывался.

Переброшенные через V «флаги» на моих глазах начали менять цвета. У меня прекрасное зрение. Только что они были белыми, в следующее мгновение стали красными, потом синими.

И тут-то я все понял. Ведь это были женские платья, и он снимал их оттуда по одному, каждый раз беря то, что лежало сверху. Вдруг они все исчезли, V снова обнажилось и почернело, а в окне возникло его туловище. Теперь мне было ясно, что это такое и чем он занимался. Об этом мне сказали платья. А он подтвердил мою догадку. Он простер руки к краям V — я увидел, как, приподнявшись, он делал толкательные движения, будто сиюсь притянуть их друг к другу; края V сомкнулись, и оно превратилось в клин. Потом верхняя часть его тела стала раскачиваться, и клин, отъехав в сторону, исчез с моих глаз.

Он укладывал вещи своей жены в большой вертикальный сундук.

Вскоре он появился у окна кухни и немного там постоял. Я видел, как он провел рукой по лбу, причем не один раз, а несколько, после чего потряс кистью в воздухе. Еще бы, для такой ночи это была изнурительная работа. Затем он потянулся куда-то кверху и что-то достал. Поскольку он находился в кухне, в моем воображении, конечно, тут же возникли шкафчик и бутылка.

Немного погодя он быстрым движением дважды или трижды поднес руку ко рту. «Именно так вели бы себя девять мужчин из десяти после упаковки сундука — опрокинули бы рюмку-другую чего-нибудь покрепче, — стараясь оправдать его, подумал я. — А если бы десятый поступил иначе, то только потому, что у него под рукой не оказалось бы бутылки».

Он вернулся к окну и, став к нему боком — так, что мне был виден только его узкий силуэт по пояс, начал снова внимательно всматриваться в темный прямоугольник окон, в большинстве которых уже был погашен свет. Свой круг осмотра он всегда начинал слева, с домов напротив моего.

По моему подсчету он делал это уже второй раз за сегодняшний вечер. И третий за день, если вспомнить его поведение на рассвете. Я внутренне улыбнулся. Могло даже показаться, что у него не чиста совесть. Впрочем, скорее всего это ровно ничего не значило — просто маленькая странность, чудачество, которого он и сам в себе не замечал. У меня тоже были свои причуды. А у кого их нет...

Он направился в глубину комнаты, и в ней наступила темнота. Его фигура появилась в гостиной, где еще было светло. Затем погас огонь и здесь. Меня не удивило, что, войдя в третью комнату, в спальню за спущенной шторой, он не зажег там свет. Ясно, что он не хочет беспокоить ее — тем более если она завтра уезжает, о чем свидетельствовала упаковка сундука. Перед путешествием она должна хорошенько отдохнуть. Вполне естественно, что он потихоньку скользнул в постель в темноте.

Но зато я удивился, когда спустя немного во мраке гостиной вспыхнул огонек спички. Должно быть, эту ночь он решил провести там, на чем-нибудь вроде дивана. К спальне он и не приближался, даже ни разу туда не заглянул! Откровенно говоря, это меня озадачило. Пожалуй, его заботливость зашла уже слишком далеко.

Минут через десять в гостиной, в том же окне, вновь загорелась спичка. Ему не спалось.

Ночь одинаково угнетала нас обоих — любопытного бездельника в окне эркера и заядлого курильщика с четвертого этажа, не давая никакого успокоения. Тишину нарушал только ни на минуту не смолкавший стрекот сверчка.

С первыми лучами солнца я был уже у окна. Но не из-за него. Мой матрас жег меня, словно горячие угли. Сэм, пришедший навести в моей комнате порядок, застал меня уже там.

— Эдак вы скоро развалитесь, мистер Джефф, — вот все, что он сказал.

Вначале в тех окнах не было заметно никакого признака жизни. Но вскоре я увидел, как его голова вдруг вынырнула в гостиную откуда-то снизу, и понял, что мои предположения оправдались: он действительно провел там ночь на диване или в кресле. Теперь-то он обязательно зайдет к ней узнать, как она себя чувствует, не лучше ли ей. Это было бы самым естественным проявлением человечности. Насколько я мог судить, он не видел ее с позавчерашней ночи.

Но он поступил иначе. Одевшись, он направился в противоположную сторону, в кухню, и, не присаживаясь, принялся там что-то с жадностью пожирать, хватая пищу обеими руками. Вдруг он резко обернулся и пошел туда, где, как я знал, находился вход в квартиру, словно только что до него донесся оттуда какой-то звук, может быть звонок в дверь.

Так оно и было — через секунду он вернулся обратно с двумя мужчинами в кожаных передниках — носильщиками из транспортно-портной конторы. Я видел, как они поволокли черный клин в том направлении, откуда только что явились. Сам он, однако, не остался безучастным зрителем. Перебегая с места на место,

он прямо-таки нависал над ними — очень уж ему хотелось, чтобы все было сделано наилучшим образом.

Вскоре он появился уже один, и я увидел, как он провел рукой по лбу, будто это вовсе не они, а он вспотел от физических усилий.

Итак, он заранее отправлял ее сундук туда, куда она уезжала. Вот и все.

Он, как это уже раз было, потянулся куда-то вверх к стене и что-то достал. И проглотил рюмку. Другую. Третью. «Но ведь теперь-то он не паковал сундук, — в некотором замешательстве подумал я. — Сундук уже с прошлой ночи стоял готовый к отправке. При чем же здесь тяжелая работа? Откуда этот пот и желание подкрепиться?»

Наконец он все-таки зашел к ней в комнату. Я видел, как его фигура проществовала через гостиную и исчезла в спальне. Впервые за все это время там поднялась штора. Повернув голову, он окинул взглядом внутренность комнаты. Причем совершенно определенным образом, так, что даже оттуда, где я сидел, можно было безошибочно угадать, в чем дело. Его взгляд не был устремлен в одну точку, как тогда, когда смотрят на человека, а скользил по сторонам и сверху вниз, как это бывает, когда осматривают... пустую комнату.

Он шагнул назад и, слегка наклонившись, сделал торопливое движение руками, и над спинкой кровати показался матрас с постельным бельем, да так и остался там, сиротливо изогнувшись. Через мгновение за ним последовал второй.

Ее там не было.

Это называется замедленной реакцией. В тот момент я понял, что это значит. В течение двух дней, словно насекомое, выбирающее себе место для посадки, в моем мозгу кружилось и порхало какое-то смутное беспокойство, интуитивное подозрение — уж не знаю, как выразиться поточнее. И неоднократно, именно в ту минуту, когда это неуловимое нечто готово было приостановить свой полет и обосноваться, наконец, в одном конкретном пункте моего сознания, достаточно было какого-нибудь незначительного события, незначительного, но вместе с тем как бы доказывающего обратное — вроде поднятия штор после того, как они неестественно долго оставались спущенными, — чтобы тут же спугнуть это, вновь обрекая на бесцельное парение и тем самым лишая меня возможности распознать его сущность. Уже давно в моем сознании определилась точка будущего соприкосновения, ожидая встречи с ускользающей мыслью. И почему-то именно теперь, стоило ему перекинуть через спинки кровати пустые матрасы — щелк! — в мгновение ока все слилось воедино. А на месте контакта выросла или, если вам угодно, расцвела уверенность в том, что там было совершено убийство.

Иными словами, мое активное мышление намного отставало от подсознания. Замедленная реакция. А теперь одно догнало другое. И в момент их слияния молнией сверкнула мысль: он что-то с ней сделал!

Опустив глаза, я увидел, что мои пальцы, комкая ткань одежды, судорожно вцепились в коленную чашечку. Я с усилием раз-

нял их. «Погоди минутку, не спеши, поосторожнее, — стараясь взять себя в руки, сказал я себе. — Ты ничего не видел. Ты ничего не знаешь. У тебя есть только одна-единственная улика — то, что ты ее больше там не видишь».

У двери кладовой, внимательно разглядывая меня, стоял Сэм.

— Вы так ни кусочка и не съели. Да и лицо у вас белое, как простыня, — с осуждением произнес он.

Я это чувствовал сам. Кожа на лице слегка покалывала, как это бывает, когда вдруг нарушается кровообращение.

И я сказал, впрочем, больше для того, чтобы избавиться от него и получить возможность все спокойно обдумать:

— Сэм, какой адрес того дома? Посмотри вон туда, только не очень-то высовывайся.

— Он вроде бы на Бенедикт-авеню.

— Это я и сам знаю. Сбегай-ка за угол и посмотри, какой на нем номер.

— А зачем это вам нужно? — спросил он, повернувшись, чтобы уйти.

— Не твое дело, — беззлобно, однако достаточно твердо сказал я, чтобы поскорее с этим покончить. Когда он уже закрыл за собой дверь, я бросил ему вслед:

— Войди в подъезд и попробуй выяснить по почтовым ящикам, кто занимает на четвертом этаже квартиру, выходящую окнами во двор. Да смотри не ошибись. И постарайся, чтобы тебя за этим не застукали.

Он вышел, бормоча себе под нос что-то вроде: «Когда человек только и делает, что весь день сидит сиднем, нечего удивляться, если ему черт те что лезет в голову...» Дверь закрылась, и я приступил к серьезному анализу виденного.

«На чем же ты все-таки строишь это чудовищное предположение? — спросил я себя. — Давай-ка посмотрим, что у тебя есть. Всего-навсего несколько незначительных неполадок в механизме, несколько прорывов в цепи их неизменно повторявшихся повседневных привычек.

1. В первую ночь там до утра горел свет.

2. Во второй вечер он вернулся домой позже, чем обычно.

3. Он не снял шляпы.

4. Она не вышла встретить его — она вообще не появлялась с того вечера, когда накануне всю ночь горел свет.

5. Упаковав ее сундук, он выпил рюмку. Но на следующее утро, после того как ее сундук унесли, он выпил целых три.

6. Он был внутренне озабочен и встревожен. Но с этим состоянием не вязался какой-то неестественный, преувеличенный интерес к задним окнам соседних домов.

7. Он спал в гостиной и до отправки сундука ни разу даже не приблизился к спальне.

Отлично. Если в ту первую ночь ей было плохо и он отправил ее отдыхать, это автоматически исключало 1, 2, 3 и 4-й пункты. А пункты 5-й и 6-й полностью теряли свое инкримини-

рующее значение. Но дальше это умозаключение разбивалось вдребезги о пункт 7-й.

Если она, почувствовав себя плохо в первую ночь, сразу же уехала, почему же он не захотел провести в спальне последнюю? Что это, чувствительность? Едва ли. Две прекрасные кровати в одной комнате, а в другой — только диван или неудобное кресло. Так почему же тогда он спал именно там, если она уже уехала? Только потому, что он скучал по ней, что ему было одиноко? Взрослому мужчине такое несвойственно. Хорошо, значит, она все еще была там».

В этот момент стройный ход моих мыслей нарушил вернувшийся Сэм.

— Это номер пятьсот двадцать пять по Бенедикт-авеню. На четвертом этаже в квартире, что выходит во двор, живут мистер и миссис Ларс Торвальд.

— Шшш, — зашипел я и жестом приказал ему исчезнуть.

— То он это требует, то ему это, оказывается, не нужно, — философским тоном изрек он и вернулся к исполнению своих обязанностей.

Я стал рассуждать дальше. Если прошлой ночью она еще была там, в спальне, значит она вообще не уезжала, ведь сегодня я не видел, чтобы она уходила. Незаметно от меня она могла уехать только вчера рано утром. Заснув, я пропустил несколько часов. А сегодня я встал раньше его и, уже просидев некоторое время у окна, увидел, как он поднял голову с того дивана.

Следовательно, если она на самом деле уехала, она могла это сделать только вчера на рассвете. Почему же тогда до сегодняшнего дня он не поднимал штору на окне спальни, не прикасался к матрасам? И прежде всего почему он прошлой ночью не зашел в ту комнату? Это говорило о том, что она никуда не уезжала, что она еще была там. Однако сегодня, сразу же после отправки сундука, он вошел туда, вытащил матрасы, доказав тем самым, что ее там не было.

Сразу же после отправки сундука...

Сундук. Вот где зарыта собака.

Оглянувшись, я удостоверился, что от Сэма меня отделяет плотно закрытая дверь. Моя рука в нерешительности повисла над телефонным диском. Бойн, вот кто сможет в этом разобраться. Он работал в полиции в отделе по расследованию убийств. Во всяком случае, когда я видел его в последний раз. Я не хотел, чтобы на меня набросилась свора незнакомых сыщиков и полицейских. Я не хотел увязнуть в этом глубже, чем мне полагалось. И если бы это было возможно, вообще предпочел бы остаться в стороне.

После двух-трех неудачных попыток мне удалось, наконец, с ним соединиться.

— Бойн? Говорит Хел Джеффрис.

— О, где это тебя носило последние шестьдесят пять лет? — восторженно начал он.

— Об этом потом. А сейчас запиши-ка имя и адрес. Ты готов? Ларс Торвальд. Бенедикт-авеню, пятьсот двадцать пять. Четвертый этаж, квартира выходит во двор. Записал?

— Четвертый этаж, квартира выходит во двор. Записал. А зачем это?

— Для расследования. Я уверен, что стоит тебе только сунуть туда нос, ты обнаружишь там убийство. Не пытайся вытянуть из меня больше — это просто мое глубокое убеждение. До настоящего времени там жили муж и жена. А теперь остался один муж. Сегодня рано утром он отправил ее сундук. Если ты найдешь хоть одного человека, который бы видел, как уезжала она сама...

Все эти доводы, высказанные вслух в такой форме, да еще не кому-нибудь, а лейтенанту полиции, даже мне самому показались неубедительными.

— Да, но... — с сомнением начал было он. И тут же умолк, приняв все так, как есть. Потому что я был достоверным источником информации. Я и словом не обмолвился про свое окно. С ним я себе мог это свободно позволить, потому что он знал меня много лет и его не беспокоил вопрос о моей надежности. Я не желал, чтобы в такую жару в мою комнату набились полицейские ищйки, по очереди глазающие из окна. Пусть действуют с фасада.

— Что ж, поживем — увидим, — сказал он. — Я буду держать тебя в курсе.

Я повесил трубку и в ожидании событий вернулся к своим наблюдениям. В этом представлении мне досталось место зрителя, или, вернее, место, противоположное тому, которое занимает зритель. Я видел все как бы из-за кулис, а не со стороны зрительного зала. Я не имел возможности непосредственно следить за работой Бойна. Я узнаю только ее результаты, когда и если они будут.

Несколько часов прошли спокойно. Полиция, которая, как я полагаю, уже должна была приняться за дело, работала незаметно, как ей и положено. В окнах четвертого этажа все время мелькала одинокая фигура — его никто не беспокоил. Он никуда не ушел. Не находя себе места, он бродил из комнаты в комнату, нигде подолгу не задерживаясь, но из дому не уходил. Я видел, как он еще раз ел — теперь уже сидя, как он брился; он даже пробовал читать газету, но на это его уже не хватило.

Вокруг него крутились крохотные невидимые колесики. Безобидная пока подготовка. «Интересно, — подумал я, — остался бы он там, пронюхав об этом, или тут же попытался бы сбежать?» Это зависело не столько от его виновности, сколько от его уверенности в собственной безопасности, уверенности в том, что ему удастся обвести их вокруг пальца. Сам я в его виновности не сомневался, иначе я никогда не решился бы на этот шаг.

В три часа раздался телефонный звонок. Это был Бойн.

— Джеффрис? Не знаю, что и сказать. Может, ты подбросишь мне что-нибудь еще?

— А зачем? — парировал я. — Зачем это нужно?

— Я послал туда человека навести справки. Только что он доложил о результатах. Управляющий домом и кое-кто из соседей единодушно утверждают, что вчера рано утром она уехала отдыхать в деревню.

— Минуточку. А твой человек нашел кого-нибудь, кто лично видел, как она уезжала?

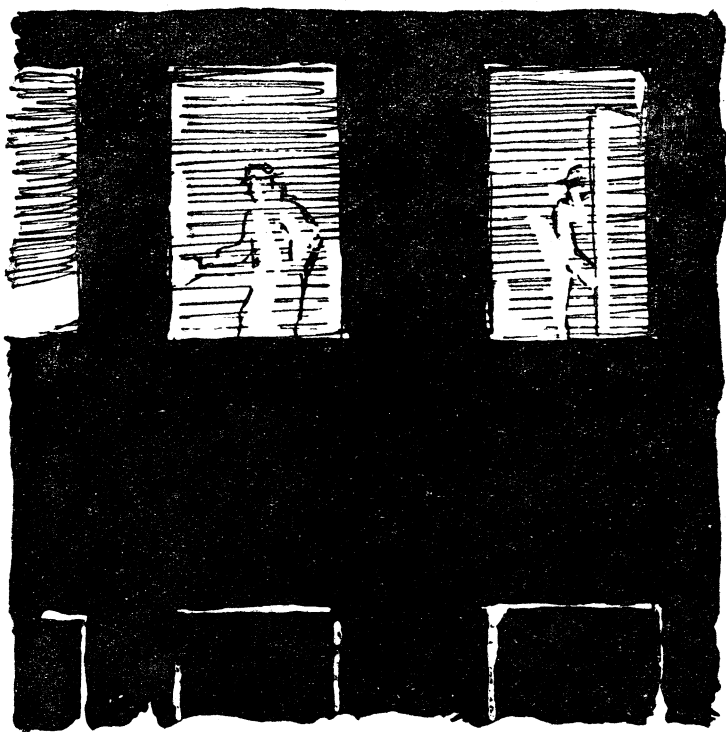
— Нет.

— Выходит, ты всего-навсего получил из вторых рук версию, основанную на его ничем не подтвержденном заявлении.

— Его встретили, когда, купив билет и посадив ее в поезд, он возвращался с вокзала.

— Снова голословное заявление.

— Я послал на вокзал человека, чтобы он постарался выяснить это у билетного кассира. Ведь в такой ранний час его не

могли не заметить. И мы, конечно, следим за каждым его шагом. При первой же возможности мы проникнем в квартиру и произведем обыск.

Я почему-то был уверен, что им ничего не даст даже это.

— От меня ты ничего больше не узнаешь. Я передал это дело

в твои руки. Все, что нужно, я тебе уже сообщил. Имя, адрес и мое мнение.

— Да, прежде я всегда высоко ценил твое мнение, Джефф.

— А теперь, значит, ты произвел переоценку?

— Нет, что ты! Просто мы пока не обнаружили ничего такого, что хоть как-то подтвердило бы твоё впечатление.

— Ну, пока вы не очень-то далеко продвинулись.

Он снова отделался той избитой фразой:

— Что ж, поживем — увидим. Буду звонить.

Прошло еще около часа, и солнце стало клониться к закату. Я увидел, как он начал готовиться к выходу. Надел шляпу, опустил руку в карман, вытащил и на минуту застыл, разглядывая ее. Пересчитывает мелочь, догадался я. Сознание того, что после его ухода они тут же войдут в квартиру, странно взбудоражило меня. Видя, как он в последний раз окидывает взглядом помещение, я со страхом подумал: «Если у тебя, братец, есть что прятать, то сейчас как раз время это сделать».

Он ушел. Квартира на какой-то период замерла в обманчивой пустоте, от которой перехватывало дыхание. Даже тройной сигнал пожарной тревоги не заставил бы меня оторвать взгляд от тех окон. Внезапно дверь, через которую он только что вышел, слегка приоткрылась, и через щель один за другим протиснулись двое. Закрыв за собой дверь, они сразу же разделились и приступили к делу. Один занялся спальней, другой — кухней, и, начав с этих крайних точек квартиры, они стали постепенно сближаться, двигаясь навстречу друг другу. Работали они на совесть. Мне было видно, как они тщательно осматривали все сверху донизу. За гостиную они взялись уже вместе. Одному досталась одна сторона, второму — другая.

Они успели кончить еще до того, как их предупредили об опасности. Я заключил это по их растерянным позам, когда они, выпрямившись, на минуту застыли друг против друга. Вдруг их головы как по команде резко повернулись, словно до них донесся звонок, предупреждавший о его возвращении. И они мгновенно выскользнули из квартиры.

Я не был особенно разочарован, я ждал, что кончится именно так. Интуиция подсказывала мне, что они не найдут ничего инкриминирующего. Ведь там уже не было сундука.

Он вошел, держа в объятиях огромный пакет из коричневой бумаги. Я внимательно следил за тем, не обнаружит ли он, что в его отсутствие кто-то там побывал. Видимо, он так ничего и не заметил.

Остаток ночи он провел дома. Иногда он прикладывался к бутылке: я видел, как, сидя у окна, он время от времени подносил ко рту руку, впрочем, не так уж часто. Он, видно, хорошо владел собой — теперь-то ему дышалось легче, когда там уже не было сундука.

Наблюдая за ним сквозь ночной мрак, я продолжал размышлять: «Почему он не уходит? Если мое предположение правильно — а в этом я не сомневался, — почему, совершив это, он

не трогается с места?..» На этот вопрос ответить было нетрудно: потому что он еще не знает, что за ним следят. Он считает, что ему незачем торопиться. Исчезнуть сразу же после нее гораздо опаснее, чем пробыть там еще какое-то время.

Ночь тянулась бесконечно. Я ждал звонка от Бойна. Он позвонил позже, чем я рассчитывал. Я в темноте снял трубку. Как раз в этот момент Торвальд собирался лечь спать. Покинув то место в кухне, где он до этого сидел и пил, он выключил свет. Зажег свет в гостиной. Потом принялся вытаскивать из брюк край рубашки. В ухе у меня раздавался голос Бойна, а глаза мои ни на секунду не упускали из виду того, другого. Расположение сил по треугольнику.

— Алло, Джефф! Послушай, полная неудача. Мы обыскали квартиру, когда он выходил...

Я чуть было не сказал «знаю, я ведь это видел», но вовремя прикусил язык.

— ...и ровным счетом ничего не нашли. Но... — он остановился, как бы собираясь сообщить что-то важное. Я с нетерпением ждал, что он скажет.

— Внизу, в его почтовом ящике мы нашли открытку. Выудили ее через прорезь согнутой булавкой...

— И?

— И оказалось, что это открытка от его жены, посланная только вчера с какой-то фермы. Сейчас прочту тебе копию: «Доехала прекрасно. Чувствую себя немного лучше. Целую. Анна».

Я сказал едва слышно, но с прежним упрямством:

— По твоим словам, она написана только вчера. Чем ты это докажешь? Какая дата на штемпеле?

Он возмущенно крикнул. В мой адрес, а не по поводу открытки:

— Штемпель смазан. Намок с краю, и чернила расплылись.

— Смазан полностью?

— Только год и число, — признал он. — Час и месяц видны отчетливо. Август. И восемь тридцать вечера, когда она была отправлена.

На сей раз возмущенно крикнул я.

— Август, восемь тридцать вечера — 1937, 1939 или 1942 года. И ты ничем не можешь доказать, как она попала в этот почтовый ящик — из сумки почтальона или из недр письменного стола!

— Кончай это, Джефф, — сказал он. — Ты уже зарвался.

Не знаю, что бы я на это ответил, если бы в тот момент мои глаза не были прикованы к окнам гостиной Торвальда. Пусть я в этом и не признался, почтовая открытка все-таки ошеломила меня. Но я смотрел туда. Как только он снял рубашку, там погас свет. Но он не зажегся в спальне. Где-то внизу, как бы на уровне кресла или дивана, вспыхнула спичка. В спальне стояли две незанятые кровати, а он все-таки остался в другой комнате.

— Бойн, — звонким голосом произнес я, — плевать я хотел на твои открытки с того света. Я еще раз заявляю, что этот че-

ловец прикончил свою жену! Проследи сундук, который он отправил. А когда доберешься до него — открой. Я уверен, что ты найдешь ее там!

И я повесил трубку, не дожидаясь, пока он сообщит, что он намерен делать дальше. Он не стал тут же перезванивать, и я заподозрил, что, несмотря на свой скептицизм, он все-таки наматал мои слова на ус.

Я провел у окна всю ночь, точно часовой, охраняющий приговоренного к смерти. После первой вспышки спичка загоралась еще дважды, примерно с получасовым интервалом. И все. Возможно, он заснул. А может, и нет. Мне необходимо было немного поспать самому. И в пламенеющем зареве восходящего солнца я, наконец, сдался. Все свои дела он провернул бы под покровом тьмы, не дожидаясь дневного света. В ближайшие несколько часов вряд ли произойдет что-нибудь новое. Да и что ему нужно было делать? Ничего, только затаиться и ждать, пока само собой не пролетит спасительное время.

Когда Сэм разбудил меня, мне показалось, что я спал всего лишь пять минут, однако уже был полдень. Я раздраженно заворчал:

— Ты что, разве не заметил моей записки? Ведь я специально приколот ее на виду, чтобы ты дал мне выспаться.

— Заметить-то заметил, но тут пришел ваш старый приятель инспектор Бойн. И я подумал, что вам...

На этот раз Бойн явился собственной персоной. Он вошел в комнату вслед за Сэмом без приглашения и без особой сердечности в выражении лица.

Чтобы избавиться от Сэма, я сказал:

— Ступай разбей там на сковородку парочку яиц.

— Джефф, куда ты гнешь, вешая на меня такое дело? — возбужденным металлическим голосом начал Бойн. — Я оказался по твоей милости в дурацком положении, рассылая во все стороны своих людей в погоне за какой-то химерой. Спасибо, что я не завяз в этом еще больше — не арестовал того парня и не пригнул его к допросу.

— Ах так, значит, ты считаешь, что этого не нужно? — сухо спросил я.

Взгляд, которым он смерил меня, был достаточно красноречив.

— Тебе хорошо известно, что в отделе я не один. Там есть люди повыше меня, перед которыми я отчитываюсь в своих действиях. Красиво это выглядит, когда я за счет отдела на полдня посылаю одного из своих ребят прокатиться на поезде на какой-то забытый богом полустанок...

— Значит, вы нашли сундук?

— Мы высладили его через транспортную контору, — твердым, как скала, голосом ответил он.

— И открыли?

— Мы сделали больше. Мы связались с несколькими расположенными поблизости фермами, и миссис Торвальд приехала на станцию с одной из них и открыла сундук сама, своим собственным ключом!

Мало кто утомлялся от своего старого друга такого взгляда, какой выпал сейчас на мою долю. Уже у двери, прямой, как винтовочный ствол, он произнес:

— Забудем об этом, хорошо? Так будет лучше для нас обоих. Ты не в себе, а я несколько издержал свои карманные деньги, время и терпение. Если ты когда-нибудь захочешь мне позвонить, с удовольствием дам тебе мой домашний телефон.

И за ним — трррах! — захлопнулась дверь.

После его столь стремительного ухода мой онемевший рассудок минут десять пребывал как бы в тисках смиренной рубашки.

Потом он стал судорожно высвобождаться. Провались она пропадом, эта полиция! Пусть я не могу доказать это им, зато я как-нибудь сумею доказать это самому себе. Или я прав, или я ошибаюсь. Оружие он припас против них. А я нападу на него с тыла.

Я позвал Сэма.

— Куда девалась подозрительная труба, которой мы пользовались в этом сезоне, когда бездельничали на яхте?

Он нашел трубу и притащил мне, предварительно подышав на нее и протерев рукавом. Пока я положил ее себе на колени. Взяв

листок бумаги и карандаш, я написал пять слов: «Что вы с нею сделали?»

Я запечатал листок в конверт, но не надписал его.

— А теперь ты должен кое-что сделать, да побыстрее, — сказал я Сэму. — Возьми вот это, отправляйся в тот дом, поднимись на четвертый этаж и просунь это под дверь квартиры, что выходит во двор. Ты парень проворный, во всяком случае был таким раньше. Посмотрим, достаточно ли ты проворен, чтобы на этом не погастыся. Когда потом спустишься вниз, легонько ткни пальцем в наружный звонок, чтобы привлечь внимание.

Он приоткрыл было рот.

— И не задавай никаких вопросов, понятно? Я не шучу.

Он ушел, а я стал настраивать подзорную трубу.

Через минуту я поймал его в фокус. Лицо рванулось мне навстречу, и я впервые по-настоящему увидел его. Темноволосый, но, несомненно, скандинавского происхождения. На вид он был сильным мужчиной, хоть и не очень плотным.

Прошло минут пять. Его голова резко повернулась в профиль. Наверное, только что звякнул звонок. Должно быть, записка уже там.

Повернувшись ко мне затылком, он пошел к входной двери. Труба помогла мне проследовать за ним в глубину комнаты, что было раньше недоступно моему невооруженному глазу.

Не заметив вначале конверта, он открыл дверь и выглянул на площадку. Потом закрыл ее. Нагнулся, выпрямился. Конверт уже у него. Мне было видно, как он вертел его в руках.

Отойдя от двери, он приблизился к окну. Ему казалось, что угроза таилась около двери, чем от нее дальше, тем безопаснее. Ему и в голову не приходило, что опасность подстерегает его с другой стороны.

Разорвал конверт, читает. Господи, с какой жадностью я следил за выражением его лица! Мои глаза присосались к нему точно пиявки. Внезапно в его лице что-то изменилось, оно расширилось, напряглось — казалось, вся кожа стянулась за ушами, сузив его глаза в щелочки. Смятение, ужас. Нащупав рукой стену, он оперся на нее. Потом медленно пошел обратно к двери. Я видел, как он крадучись подбирался к ней, как к чему-то живому. Он слегка приоткрыл ее, так осторожно, что со стороны этого даже не было заметно, и боязливо выглянул наружу. Прикрыв затем дверь, он, пошатываясь, вернулся обратно, полностью утратив равновесие от безмерного ужаса. Он рухнул на стул и потянулся за выпивкой. Теперь он уже пил прямо из горлышка. И даже с бутылкой у рта, он, повернув голову, продолжал глядеть на дверь, которая так неожиданно швырнула ему в лицо его тайну.

Я олустил трубу.

Виновен! Виновен, черт побери, будь она проклята, эта полиция!

Моя рука устремилась к телефону, но остановилась на полпути. Что толку? Они отнесутся к моим словам не лучше, чем прежде. «Ты бы видел его лицо и т. д.» И мне уже слышался ответ

Бойна: «Каждый будет потрясен, получив анонимное письмо, даже если в нем нет ни капли правды. В том числе и ты сам». Они могли утереть мне нос настоящей живой миссис Торвальд — по крайней мере так они думали. Чтобы доказать, что это разные лица, я должен был продемонстрировать им мертвую. Я из своего окна должен был показать им ее труп.

Однако сперва этот труп мне должен показать он.

Прошел не один час, пока это, наконец, произошло. День тянулся бесконечно, а я все ждал и ждал. Тем временем он метался по квартире, как посаженная в клетку пантера. Два мозга сверлила одна и та же мысль, но в моем она была перевернута вверх ногами. Что сделать, чтобы это не раскрылось — как добиться, чтобы это не осталось нераскрытым.

Я боялся, что он попытается бежать, но, даже если у него и было такое намерение, он, видимо, ждал, пока стемнеет, так что в моем распоряжении еще было какое-то время. Но, возможно, он и не думал об этом, и решил бежать, только если его что-нибудь вспугнет — кто знает, а вдруг ему все еще казалось, что бежать опаснее, чем остаться.

Незамеченными оставались привычные звуки и события; бурный поток моих мыслей с силой разбивался о препятствие, упорно преграждавшее им путь: как заставить его выдать мне место, где он спрятал труп, чтобы я, в свою очередь, мог указать его полиции?

Помнится, в мое сознание просочилось смутное представление о том, что не то хозяин, не то еще кто-то показывал будущему жильцу квартиру на шестом этаже, ту, где уже был закончен ремонт. Она была расположена над квартирой Торвальда, через этаж; в той, что находилась между ними, еще работали. И в какой-то момент совершенно случайно возникла необычная синхронизация движений. Хозяин и съемщик оказались около окна гостиной на шестом этаже в то самое время, когда Торвальд стояла там же на четвертом. Все они одновременно отправились оттуда в кухню и, пройдя за скрывшей их от меня стеной, появились там у окон. В этом было нечто сверхъестественное: они двигались с точностью участников какого-то представления, почти как куклы, управляемые одной и той же веревочкой. Вероятно, такое совпадение случается не чаще чем раз в пятьдесят лет. Они сразу же разошлись, и никогда в жизни с ними такое больше не повторится.

Но что-то в этом покорило меня. Какая-то едва уловимая ошибка или неточность нарушила эту плавность. Некоторое время я безуспешно пытался сообразить, в чем дело. Хозяин со съемщиком уже ушли, и теперь я видел только Торвальда. Моя память отказывалась восстановить картину происшедшего. Если бы этот эпизод повторился, мне могло бы помочь зрение, но этого, естественно, не случилось.

И мысль об этом погрузилась в подсознание, чтобы, подобно закваске, перебродить там, а я вернулся к главной проблеме.

Наконец меня осенило. Встревоженный поворот головы, рывок в определенном направлении — вот все, что мне было нужно.

И чтобы вызвать это мимолетное, мгновенное движение, кото-

рым он выдаст себя, мне были необходимы два телефонных звонка, а в перерыве между ними — его получасовое отсутствие.

При свете спички я принялся листать телефонную книгу, пока не нашел то, что искал: Торвальд, Ларс, Бенедикт-авеню, 5-2114.

Я задул спичку и в темноте поднял трубку. Это напоминало телевидение. Я видел, что делалось там, куда я звонил, только изображение шло ко мне не по проводам, а прямо — из окна в окно.

— Алло? — хрипло произнес он.

«Как это странно, — подумал я. — Ровно три дня я обвиняю его в убийстве и только теперь впервые слышу его голос».

Я не стал изменять свой собственный. В конце концов ведь мы никогда не встречались.

— Вы получили мою записку? — сказал я.

— Кто говорит? — настороженно спросил он.

— Тот, кто все знает.

— Что знает? — увильнул он.

— То, что знаете вы. Вы и я, только мы с вами.

Он прекрасно держал себя в руках. Я не услышал ни звука. Но он не подозревал, что уязвим с другой стороны. Я удерживал подзорную трубу на нужной высоте с помощью двух толстых книг, положенных на подоконник. Я увидел, как он рванул ворот рубашки, словно тот невыносимо давил ему шею. Потом прикрыл глаза рукой, как закрываются от слепящего света.

Его голос твердо произнес:

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Как это о чем? О бизнесе, конечно. Ведь я на этом кое-что заработаю, верно? Чтобы это не поползло дальше.

Мне не хотелось, чтобы он догадался о роли окон. Они все еще были мне нужны — и сейчас более, чем когда-либо.

— Позапрошлой ночью вы допустили маленькую оплошность со своей дверью. Хотя, может быть, ее приоткрыл сквозняк, не знаю.

Удар попал в самую точку. Провод донес до меня судорожный вздох.

— Вы ничего не видели. Там нечего было видеть.

— Дело ваше. Только зачем мне идти в полицию? — я слегка кашлянул. — Ведь я за это ничего не получу.

— О, — вырвалось у него. И в этом возгласе прозвучало некоторое облегчение. — Вы хотите... со мной встретиться? Я вас правильно понял?

— Да вроде бы лучше и не придумаешь. Сколько вы можете захватить с собой?

— У меня здесь только долларов семьдесят.

— Сойдет, остальное можно потом. Вы знаете, где находится Лейксайд-парк? Я сейчас неподалеку от него. Может, там и встретимся? — На это требовалось примерно полчаса. Пятнадцать минут туда, пятнадцать обратно. — У входа в парк есть маленький павильон.

— А сколько вас? — предусмотрительно спросил он.

— Только один я. Это выгодно — держать язык за зубами. Ни с кем не нужно делиться.

Видно, это ему тоже понравилось.

— Я сию минуту выхожу, — сказал он. — Все-таки неплохо узнать, о чем речь.

Никогда я так пристально не следил за ним, как теперь, когда он повесил трубку. Он тут же шмыгнул в крайнюю комнату, в спальню, к которой последнее время даже не приближался. Скрылся в стенном шкафу и через минуту появился снова. Видимо, он что-то достал из какого-то тайника, которого не заметили даже сыщики. Еще до того, как этот предмет исчез под его пиджаком, по движению его руки, как бы качнувшей насос, я понял, что это такое. Пистолет.

«Мне повезло, — подумал я, — что я не жду сейчас в Лейксайд-парке свои семьдесят долларов».

Свет в комнате погас, и он отправился в путь.

Я позвал Сэма.

— Я хочу, чтобы ты кое-что для меня сделал, но это связано с некоторой опасностью. А если уж говорить честно, это чертовски опасное дело. Ты можешь сломать ногу или получить пулю и даже попасть в полицию. Мы с тобой не расставались десять лет, и я никогда не обратился бы к тебе с подобной просьбой, если бы мог сделать это сам. Но я не могу, а сделать это необходимо. Выйди с черного хода, — продолжал я, — перелез через загородку и попробуй по пожарной лестнице забраться в ту квартиру на четвертом этаже. Одно окно там не заперто.

— Что я должен там искать?

— Ничего. — В квартире уже побывали сыщики, какой же в этом смысл? — Там три комнаты. Во всех трех ты должен слегка нарушить порядок — пусть будет видно, что туда кто-то заходил. Загни края всех ковров, чуточку сдвинь с места все стулья и стол, открой дверцы стенного шкафа. Только смотри ничего не пропусти. И не спускай глаз вот с этого. — Я снял часы и надел ему на руку. — В твоём распоряжении двадцать пять минут. Если ты в них уложишься, с тобой ничего не случится. Когда увидишь, что время истекло, сматывай удочки, да побыстрей.

— Опять по пожарной лестнице?

— Нет.

В этом возбужденном состоянии он не вспомнит, закрыл ли он, уходя, окна. А меня вовсе не устраивало, чтобы он увязал опасность с задней стороной своего дома. Я не хотел замешивать в это свое собственное окно.

— Запри окно покрепче, выйди в дверь и беги со всех ног по главной лестнице.

— Хорошего же вы себе нашли дурака, — спокойно сказал он, но все-таки ушел.

Он вышел во двор с черного хода, как раз подо мной, и перелез через загородки. Если бы кто-нибудь поднял по этому поводу шум из окна, я вступился бы за него, объяснив, что он там внизу что-то ищет по моей просьбе. Но все обошлось благополучно. Для человека его возраста он отлично преодолел все препятствия. Ведь он не так уж теперь молод. Взять хотя бы

эту пожарную лестницу — ее нижний конец находился довольно высоко от земли — а он все-таки ухитрился взобраться на нее, став на какой-то предмет. Очутившись в квартире, он зажег свет и принялся за работу.

Я следил за тем, что он делает. Сейчас я уже ничем не могу помочь. Даже Торвальд вправе его пристрелить — ведь это незаконное вторжение. Как и прежде, мое место было за кулисами. Я был лишен возможности посторожить его с другой стороны. А без охраны не обошлись даже сыщики.

Он, видно, делал все с большим напряжением. А я, следя за его действиями, был напряжен вдвойне. Двадцать пять минут тянулись как все пятьдесят. Наконец он подошел к окну и тщательно заложил щеколду. Свет погас — его уже там не было.

Вскоре я услышал, как он отпирает ключом дверь с улицы, и когда он вошел ко мне, сразу же предупредил его:

— Не зажигай здесь свет. Иди приготовь себе праздничный двойной пунш из виски. Вряд ли цвет твоего лица будет когда-нибудь ближе к белому, чем сейчас.

Торвальд вернулся через двадцать девять минут после своего ухода в Лейксайд-парк. Я позвонил вторично, прежде чем он успел заметить беспорядок. Уловить этот момент было не так-то просто, и, сняв трубку, я снова и снова набирал номер, сразу же после этого нажимая на рычаг. Он вошел, когда я набирал цифру 2 — из 5-2114, — так что я попал вовремя. Звонок там раздался, когда его рука еще была на выключателе.

Этот звонок уже должен был дать какие-то результаты.

— Вам следовало принести деньги, а не пистолет, поэтому я не подошел к вам. — Я почувствовал, как он вздрогнул. Окно по-прежнему должно было оставаться вне подозрения. — Я заметил, как, выйдя на улицу, вы похлопали себя по пиджаку, под которым вы его спрятали. — Вполне возможно, что ничего подобного и не было, но теперь он уже не вспомнит, как было на самом деле. Обычно так делают те, кто не привык носить при себе оружие. — Тем хуже для вас, что вы прогулялись впустую. Между прочим, в ваше отсутствие я не терял зря времени. Теперь я знаю больше, чем раньше. — Это уже было важно. Я неотрывно смотрел в трубу, буквально пронизывая его сквозь тьму невидимыми лучами. — Я обнаружил, где... это находится. Вы понимаете, что я имею в виду. Теперь я знаю, куда вы... это спрятали. Я заходил туда, пока вас не было.

Ни слова. Только учащенное дыхание.

— Вы мне не верите? Оглянитесь. Положите трубку и посмотрите сами. Я нашел это.

Он положил трубку, направился к двери гостиной и, коснувшись выключателя, зажег свет. Окинул комнату одним внимательным всеохватывающим взглядом, в котором и намек на было на повышенный интерес к какому-нибудь определенному месту, который ни на чем не задержался вообще.

Мрачно улыбаясь, он вернулся к телефону.

Тихо, со злорадным удовлетворением, он произнес всего два слова:

— Вы лжете.

Я увидел, как он положил трубку и снял с нее руку. На своем конце я сделал то же самое.

Испытание потерпело неудачу. Но все-таки кое-что оно мне дало. Он не выдал местонахождения трупа, на что я надеялся. Однако фраза «Вы лжете» подразумевала, что труп был спрятан именно там, где-то неподалеку от него, где-то в том доме. В таком надежном месте, что ему незачем было беспокоиться, незачем было даже проверять сохранность тайника.

Таким образом, это поражение принесло мне своего рода бесплодную победу. Но для меня она не стоила и выеденного яйца.

Он стоял ко мне спиной, и я не видел, что он делает. Я знал, что телефон находится где-то впереди него, но мне казалось, что он, задумавшись, стоит около аппарата случайно. Он слегка наклонил голову — это все, что я мог разглядеть. Я не заметил, двигался ли его локоть. А если двигался его указательный палец, увидеть это было невозможно.

Он простоял так одну-две минуты и, наконец, отошел в сторону. В комнате погас свет; больше я его не видел. Он даже не решался, как бывало, зажечь в темноте спичку.

Поскольку мои мысли уже не отвлекала необходимость следить за ним, я направил их по иному руслу и постарался восстановить в памяти кое-что другое — ту встревожившую меня синхронизацию движений, которую я заметил сегодня днем, когда агент по найму и Торвальд одновременно перешли от одного окна к другому. Наиболее отчетливо я мог вспомнить только следующее: это напоминало ощущение, которое возникает, когда смотришь на какой-нибудь движущийся предмет сквозь скверное оконное стекло, дефект которого на секунду искажает его очертания. Однако тут дело обстояло иначе. Окна были раскрыты, и между нами не было никаких стекол. И я тогда не смотрел в подзорную трубу.

Раздался телефонный звонок. Это Бойн, подумал я. Кроме него, в такой час звонить некому. Быть может, он вспомнил, как на меня набросился... Я беспечно сказал «Алло», не изменив голоса.

Никакого ответа.

— Алло? Алло? Алло? — Я продолжал демонстрировать тембр своего голоса.

Ни звука.

Наконец я повесил трубку. В той квартире по-прежнему было темно.

Перед тем как уйти на ночь, ко мне заглянул Сэм. После бодрящего возлияния у него немного заплетался язык. Он промычал что-то вроде: «Я пошел, а?» Я слышал это лишь краем уха. В тот момент я думал только о том, на какой бы еще крючок подцепить Торвальда, чтобы он, наконец, выдал мне свой тайник. И я, махнув рукой, рассеянно отпустил Сэма.

Слегка пошатываясь, он спустился по лестнице на первый этаж, и вскоре я услышал, как за ним закрылась входная дверь. Бедняга Сэм, не очень-то он привык к спиртному. Итак, я остался в доме один, со свободой передвижения в пределах кресла.

Внезапно там на секунду снова зажегся свет. Он ему для чего-то понадобился, чтобы найти какую-то вещь, которую он спер-

ва напрасно пытался отыскать в темноте, но в конце концов понял, что без света ему не обойтись. Он нашел это почти мгновенно и сразу же метнулся обратно к выключателю. Обернувшись, он бросил взгляд во двор. Он не подошел к окну, а просто быстро посмотрел в ту сторону.

В этом взгляде меня поразило нечто новое, отличавшее его от всех тех, что я наблюдал у него раньше. Если можно дать определение такому изменчивому явлению, как взгляд, то я назвал бы этот взгляд целеустремленным. Он не был ни рассеянным, ни случайным — в нем искрой промелькнула пристальность. И это не был один из тех осторожных взглядов, когда он внимательно осматривал внутренность двора. Этот взгляд не начал свой путь с домов напротив, чтобы постепенно перейти направо, на мою сторону. За тот краткий миг, что он длился, этот взгляд сразу отыскал мое окно. И исчез. Погас свет, и исчез сам Торвальд.

Порой явления воспринимаются только нашими органами чувств, без участия сознания, которое не вникает в их истинный смысл. Мои глаза видели тот взгляд. Мое сознание отказалось выплавить из этого правильное умозаключение. «Он ничего не значил, этот взгляд, — подумал я. — Всего лишь случайный выстрел, который неожиданно попал в центр мишени».

Замедленная реакция. Безмолвный телефонный звонок. Чтобы проверить голос? И вслед за этим напряженная темнота, в которой мы оба могли играть в одну и ту же игру — украдкой, невидимые друг для друга, вглядываться в квадраты окон противника. Недавняя вспышка света — стратегическая ошибка, но он не мог поступить иначе. Его прощальный взгляд, излучавший лютую злобу. Все эти факты осели на дно, не растворившись. Мои глаза сделали свое дело, это сплосховал мой мозг — вернее, ему понадобилось больше времени.

В знакомом прямоугольнике, образованном задними стенами домов, было очень тихо. Тишина словно затаила дыхание. И вдруг в нее вторгся возникший из ниоткуда звук. Молчание ночи пронзила характерная трель сверчка. Я вспомнил о примете Сэма, которая, по его словам, всегда неизменно сбывалась. Если это так, плохи тогда дела у кого-то в одном из этих дремлющих вокруг домов...

Сэм ушел каких-нибудь десять минут назад. А теперь он вернулся, видно, что-то забыл. И все из-за этой выпивки. Может быть, шляпу, а может, даже ключ от своей лачуги на окраине. Он знал, что я не могу сойти вниз и впустить его, поэтому старался открыть дверь без шума, наверное думая, что я уже заснул. Снизу до меня доносилась лишь слабая возня у замка входной двери. Это был один из тех старомодных домов с крыльцом и незапиравшейся наружной дверью, створки которой свободно хлопали всю ночь; затем шел тесный вестибюль и, наконец, внутренняя дверь, которая открывалась простым ключом. От алкоголя его рука несколько утратила твердость — впрочем, у него и раньше возникали трудности с замком. С помощью спички он нашел бы скважину быстрее, но ведь Сэм не курит. Вряд ли у него при себе были спички.

Теперь звук прекратился. Должно быть, он махнул на это ру-

кой и ушел, решив отложить это неизвестное мне дело до завтра. В дом он не вошел — мне слишком хорошо был знаком тот грохот, с которым за ним обычно захлопывалась предоставленная самой себе дверь; сейчас же я не услышал ничего похожего на стук.

И вдруг у меня в мозгу произошел взрыв. Почему именно в этот момент — я не знаю. Дело тут в неких таинственных процессах моего сознания. Это вспыхнуло словно порох, к которому после долгого путешествия по шнуру, наконец, подобрался огонь. Вышвырнуло из моей головы все мысли о Сэме, о входной двери, обо всем. Притаившись, это выжидало там с сегодняшнего послеполудня и только сейчас... Еще одна замедленная реакция. Будь она трижды проклята.

Оба они, агент по найму и Торвальд, одновременно отошли от окон гостиных. Слепой промежуток стены, и вот они вновь появились у окон кухонь, как прежде, один над другим. И как раз тогда возникла беспокоившая меня помеха, ошибка или еще что-то. Человеческий глаз вполне заслуживает доверия. Был нарушен не ритм их движения, а их параллельность, или как там это называется. Отклонение шло по вертикали, а не по горизонтали. Получился как бы «прыжок» вверх.

Теперь это было в моих руках. Теперь-то я знал. И это не могло ждать. Слишком уж это было здорово. Им нужен был труп? Пожалуйста.

Как бы он там ни был обижен, Бойну теперь не отвертеться от разговора со мной. Не теряя времени, я набрал в темноте номер его полицейского участка, отыскивая на ощупь отверстия диска. Он поворачивался почти бесшумно, только слегка пощелкивал. Даже тише, чем тот сверчок...

— Он давно ушел домой, — сказал дежурный сержант.

Это не могло ждать.

— Ладно, тогда дайте мне его домашний телефон.

Он на минуту отошел, потом вернулся.

— Трафальгар, — произнес он. И ничего больше.

— Что? Трафальгар, а дальше?

Молчание.

— Алло? Алло? — я постучал по аппарату. — Телефонистка, меня прервали. Соедините меня с тем же номером.

Она тоже не отозвалась.

Меня не прервали. Был перерезан мой провод. Это произошло совершенно внезапно, как раз посреди... А так перерезать его можно было только где-то здесь, в доме. Снаружи он уходил под землю.

Замедленная реакция. Теперь уже последняя, фатальная, слишком запоздалая. Безмолвный телефонный звонок. Взгляд оттуда, безошибочно попавший в цель. «Сэм», пытавшийся незадолго до этого вернуться.

Смерть была где-то здесь, рядом со мной, в доме. А я не мог двигаться, даже не мог встать с этого кресла. Если бы мне и удалось сейчас связаться с Бойном, все равно уже слишком поздно. Я мог бы, конечно, крикнуть во двор в расчете на спя-

ших за всеми этими окнами соседей. Мой крик заставил бы их броситься к окнам. Но он не мог заставить их вовремя примчаться сюда. Когда они сообразят, из какого дома он доносится, крик уже смолкнет, все будет кончено. Я не открыл рта. Не потому, что я был таким уж храбрым, а просто, судя по всему, это было бесполезно.

Через минуту он будет здесь. Наверное, он уже на лестнице, хотя я и не слышал его шагов. Ни малейшего скрипа. Скрип принес бы облегчение, указал бы, где он сейчас находится. А так я был словно заперт в темном помещении наедине с бесшумно извивающейся коброй.

У меня в комнате не было никакого оружия. На стене висела полка с книгами — я до них мог в темноте дотянуться. Я, который никогда не читал. Книги бывшего хозяина. Над ними возвышались бюст не то Руссо, не то Монтескье — я так и не мог никогда окончательно решить, чей именно. Чудовищное изделие из неглазированной глины, но и оно появилось здесь еще до меня.

Не вставая с кресла и изогнувшись всем телом, я потянулся к нему и отчаянным усилием попытался схватить его. Дважды мои пальцы соскальзывали с бюста, с трезьего захода я покачнул его, а в результате четвертой попытки он очутился внизу, у меня на коленях, вдавив меня в кресло. Подо мной на сиденье лежал плед. В такую погоду я не прикрывал себе ноги. Я использовал его как подушку, чтобы сделать сиденье помягче. Рывками вытащив его из под себя, я завернулся в него, как индейский воин в одеяло. Скорчившись, я забился поглубже в кресло, но моя голова и одно плечо оказались снаружи, за подлокотником — между креслом и стеной. Я поставил бюст на свое другое плечо, где, ненадежно балансируя, он должен был изображать вторую голову, по уши закутанную в плед. Я надеялся, что сзади, в темноте, он будет похож...

Я громко захрапел, как человек, спящий тяжелым сном в сидячем положении. Это было не так уж сложно, от напряжения я все равно дышал с трудом.

Он необыкновенно искусно умел обращаться с дверными ручками, петлями и прочим. Я так и не услышал, когда открылась дверь, хотя она была прямо за моей спиной, а не внизу, как первая. Меня коснулось лишь слабое дуновение воздуха. Я ощутил это кожей головы — настоящей, — которая у корней волос совершенно взмокла от пота.

Если это будет нож или удар по голове, моя хитрость подарит мне еще один шанс, и я знал, что это самое большее, на что я мог рассчитывать. Руки и плечи у меня достаточно сильные. После первого удара я медвежьей хваткой прижал бы его к себе и сломал бы ему шею или ключицу. Если же в ход пойдет пистолет, в конце концов он со мною все-таки разделается. Разница в каких-нибудь несколько секунд. Я знал, что у него есть пистолет, из которого он собирался пристрелить меня на улице, у Лейксайд-парка. Я надеялся, что здесь, в доме, чтобы обеспечить себе более спокойное бегство...

Вот оно!

Вспышка выстрела на секунду озарила комнату, до этого совер-

шенно темную. Вернее, ее углы, словно трепещущая слабая молния. Бюст на моем плече подпрыгнул и разлетелся на куски.

Мне вдруг показалось, что он в бессильной ярости затопал ногами. Но когда я увидел, как в поисках пути к бегству он бросился мимо меня и перегнулся через подоконник, этот топот переместился вниз, в глубину дома, и превратился в бешеный стук кулаков и ног по входной двери. Однако он вполне мог меня еще раз пять прикончить.

Я втиснул свое тело в узкую щель между подлокотником и стеной, но мои ноги, голова и плечо по-прежнему торчали сверху.

Он мгновенно обернулся и выстрелил в упор с такого близкого расстояния, что мне в глаза словно ударили прямые лучи восходящего солнца. Я ничего не почувствовал... Он промахнулся.

— Ах ты!.. — хрипло вырвалось у него. Наверное, это были его последние слова. Остаток своей жизни он провел в непрерывном движении, без текста.

Опершись на руку, он перемахнул через подоконник и рухнул во двор. Прыжок со второго этажа. Уцелел он только потому, что приземлился на узкую полосу дерна. Я перелез через подлокотник кресла и всем телом упал вперед, на подоконник, едва не разбив себе подбородок.

Передвигался он невероятно быстро. Побежишь, когда от этого зависит твоя жизнь. Через первую загородку он перевалился на животе. Вторую взял с разбегу, как кошка, соединив в прыжке руки и ноги. Теперь он уже был во двореке своего собственного дома. Он взобрался на что-то, как раньше Сэм... За этим последовал молниеносный взлет по лестнице с быстрыми штопорными поворотами на каждой площадке. Сэм, когда был там, запер все окна, но Торвальд, вернувшись домой, открыл одно из них, чтобы проветрить комнату. Теперь вся его жизнь зависела от этого случайного машинального поступка...

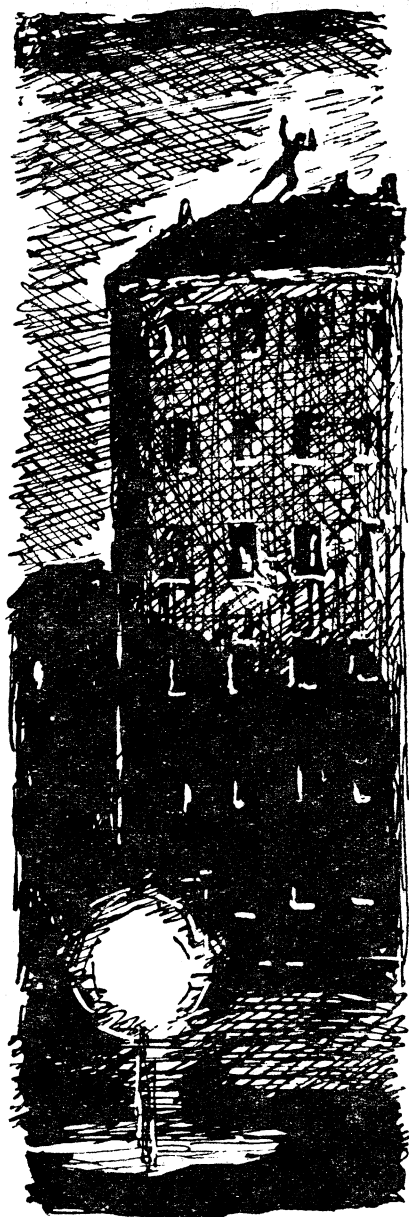
Второй. Третий. Впереди уже его собственные окна. Вот он уже добрался до них. Но там что-то было неладно. Он отпрянул от своих окон и, совершив еще один виток, ринулся на следующий, пятый этаж. Во мраке одного из его окон что-то блеснуло, и в прямоугольном пространстве между домами, как большой барабан, грохнул выстрел.

Он миновал пятый этаж, шестой и достиг крыши. Это заняло не больше секунды. Ого, здорово же он любил жизнь! Парни, притаившиеся в его окнах, не могли оттуда стрелять в него — он находился как раз над их головами, по прямой линии, и, разделяя их, густо переплелись пролеты пожарной лестницы.

Я был слишком поглощен своими наблюдениями, чтобы следить за тем, что происходило вокруг меня. Неожиданно рядом со мной возник Бойн, целившийся из пистолета. Я услышал, как он пробормотал:

— Как-то даже неловко стрелять, ведь ему придется лететь с такой высоты.

Там, наверху, он балансировал на парашюте крыши и прямо над ним сверкала звезда. Несчастливая звезда. Он задержался на лишнюю минуту, пытаясь убить раньше, чем убьют его. А может, он знал, что все равно уже мертв.

Высоко в небе шелкнул выстрел, на нас посыпались осколки оконного стекла, и за моей спиной треснула одна из книг.

Бойн уже не заикался ни о какой неловкости. Мое лицо было прижато к его руке. При отдаче его локоть двинул мне по зубам. Я продул в дыму просвет, чтобы увидеть, как он падает.

Это было страшное зрелище. С минуту он еще простоял там, наверху, на парапете. Потом выпустил из руки пистолет, как бы говоря: «Больше он мне не понадобится». И отправился вслед за ним. Он падал по такой широкой дуге, что даже не задел пожарной лестницы. Приземлился он где-то далеко и ударился о доску, торчавшую из невидимого для нас штабеля. Она подбросила его тело вверх, как трамплин. Потом он упал вторично — теперь уже навсегда. И все кончилось.

— Я понял, где это, — сказал я Бойну. — В конце концов я все-таки сообразил. Квартира на пятом этаже, над ним, та, где еще идет ремонт. Уровень цементного пола в кухне выше, чем в других комнатах. Они хотели с минимальными затратами выполнить противопожарные правила и заодно создать впечатление углубленной гостиной. Советую тебе разломать этот пол...

Он сразу же отправился туда, через черный ход и загородки, — чтобы сэкономить время. Там еще не включили электричество, и им пришлось воспользоваться карманными фонарями. Управались они быстро, стоило им только начать.

Примерно через полчаса он подошел к окну и просигнализировал мне слово «да».

Вернулся он только к восьми часам утра, когда они уже привели все в порядок и увезли их. Их обоих — свежий труп и труп, давно окоченевший. Он сказал:

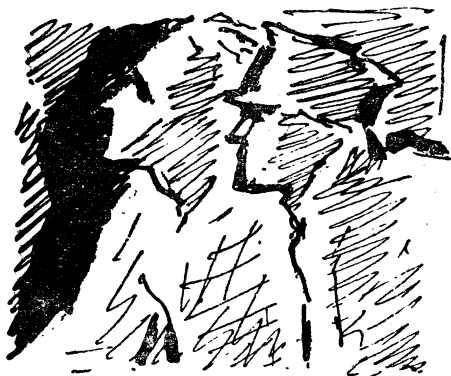
— Джефф, я беру все свои слова назад. Тот безмозглый кретин, которого я послал туда за сундуком... Хотя в общем-то он и не виноват. Виноват я сам. Ему было приказано проверить содержимое сундука, а не приметы женщины. Вернувшись, он в общих чертах описал ее, не вдаваясь в подробности. Я иду домой, ложусь в постель, и вдруг хлоп! — что-то щелкает в моем мозгу: один из жильцов, которого я допрашивал два полных дня назад, сообщил ряд деталей, не совпавших в некоторых важных пунктах с его описанием. Вот и докажи теперь, что я не болван!

— В этом проклятом деле со мной все время происходило то же самое, — признался я, чтобы утешить его. — Я называю это замедленной реакцией. Она чуть не стоила мне жизни.

— Но ведь я офицер полиции.

— Поэтому у тебя вовремя проявились мозги?

— Конечно. Мы пошли туда, чтобы забрать его на допрос. Увидев, что его нет дома, я оставил там ребят, а сам решил зайти к тебе, чтобы выяснить отношения. Так как же ты додумался до этого цементного пола?

Я рассказал ему о нарушенной синхронизации.

— В окне кухни агент по найму показался мне выше Торвальда, выше, чем минуту назад, когда они оба стояли у окон гостиных. Это не секрет, конечно, что в кухнях делали значительно приподнятые цементные полы, которые затем сверху покрывали пробковым составом. Но это натолкнуло на новую мысль. А так как ремонт шестого этажа был закончен раньше, оставался пятый. Вот как я это теоретически представляю себе. Она

долгие годы болела, а он сидел без работы, и ему надоело и то и другое. Поговори с той, со второй...

— Она будет здесь сегодня к вечеру, ее уже везут сюда под арестом.

— Возможно, он застраховал ее на все деньги, которые ему удалось раздобыть, и потом начал ее медленно отравлять, стараясь не оставить никаких следов. Мне кажется — учти, что это опять-таки всего лишь мое предположение, — что она обнаружила это в ту ночь, когда там до утра горел свет. Как-то догадалась или же застигла его за этим. Он потерял голову и совершил то, чего всячески пытался избежать, — убил ее, применив силу: задушил или ударил по голове. Нужно было с ходу придумать, что делать дальше. Обстоятельства благоприятствовали ему. Вспомнив о верхней квартире, он поднялся туда и осмотрелся. Там только что кончили делать пол, цемент еще не успел затвердеть и вокруг было много материала. Он выдолбил в полу яму, достаточно большую, чтобы вместиť ее тело, положил ее туда, замешал свежий цемент и замуrowал ее, возможно даже на один-два дюйма повысив уровень пола, чтобы лучше спрятать ее. Вечный гроб без запаха. На следующий день вернулись рабочие и, ничего не заметив, положили поверх этого пробковый слой — он и цемент-то, наверное, заравнивал одним из их мастеров. Потом он, не мешкая, отправил в деревню свою сообщницу с ключами от сундука — примерно в то же место, где отдыхала несколько лет назад его жена, но на другую ферму, где ее не могли бы узнать. Послал вслед за ней сундук и бросил в свой ящик старую почтовую открытку с расплывшейся датой. Не известно, что через одну-две недели она бы «покончила с собой», как Анна Торвальд, доведенная до отчаяния болезнью. Написав ему прощальную записку и оставив свою одежду на берегу какого-нибудь глубокого водоема. Это было рискованно, но, возможно, им все-таки удалось бы получить за это страховую премию.

В девять Бойн и все остальные ушли. Я остался в кресле, слишком возбужденный, чтобы заснуть. Вошел Сэм и сообщил:

— Тут к вам док Престон.

Он появился, потирая по своему обыкновению руки.

— Пора, пожалуй, снять с вашей ноги этот гипс. Представляю, как вам надоело сидеть целыми днями без дела.

Перевела с английского
С. ВАСИЛЬЕВА

ВОКРУГ СВЕТА

Журнал основан в 1861 году

НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЦИ ВЛКСМ
ПУТЕШЕСТВИЙ, ПРИКЛЮЧЕНИЙ И ФАНТАСТИКИ

Цена 20 коп.

- 20

Фантастический рассказ Клиффорда Саймака
«Все ловушки Земли» читайте в ближайших
номерах журнала «Вокруг света».

ФАНТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ